
ЖИВАЯ
НАДЕЖДА
АННА СКИБИНА
18+

Анна Скибина
Живая надежда

https://litres.ru/74716827
SelfPub; 2026

Аннотация

Девятнадцать лет Луна прожила в деревне на краю мира, где туман скрывает не только лес, но и правду. Она знала одно: она — сирота, которую боятся. Пока река не вынесла на берег полумёртвого незнакомца с разными глазами и волосами двух цветов.

Лириан — полукровка-оборотень, отвергнутый стаей. Но, глядя на Луну, он чувствует то, чего не чувствовал никогда — желание защитить.

Их встреча не случайна. Они связаны древним договором, заключённым до их рождения. Их любовь должна объединить миры — вампиров, оборотней и людей. Но враги уже знают об этом.

Чтобы выжить, им придётся покинуть мир мёртвых и отправиться в замок Чёрных скал, где Луну ждёт мать — королева вампиров. Но в замке, где плетутся интриги, а старейшины жаждут власти, они окажутся в ещё большей опасности.

Здесь улыбки — это оружие. Здесь друзья становятся врагами. И тот, кто предлагает защиту, может оказаться тем, от кого нужно бежать.

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Тот, кого принесла река 9
Глава 2. Пять дней 23
Глава 3. Имена и искры 32
Глава 4. Между двух миров 44
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Живая надежда

Пролог

За густым серым туманом, по ту сторону леса, где деревья росли так близко друг к другу, что их кроны сплетались в сплошной чёрный купол, лежала деревня. Она пряталась от мира, словно стыдясь своего существования, прижавшись к берегу бурной реки, которая никогда не спала.

Река ревела днём и ночью. Она била о камни с такой силой, что брызги долетали до первых изб, оседая на бревенчатых стенах мелкой, холодной росой. Говорили, что река помнит всё. Что она уносит в своих водах не только ил и ветки, но и души тех, кто не смог найти покой. Говорили, что если прислушаться — а прислушиваться умели немногие — можно услышать, как она шепчет имена утопленников.

Туманный лес стоял стеной. Никто не знал, что там, за этой стеной из переплетённых ветвей и вечного тумана. Старожилы поговаривали, что лес живой, что он дышит, что он не любит чужаков. И те немногие, кто осмеливался войти в него, не возвращались. Или возвращались, но уже не такими. С пустыми глазами и шрамами, которые не заживали.

Деревня жила по своим законам, отделённая от всего мира рекой и лесом. Здесь помнили старых богов, здесь знали, как задобрить духов воды и леса, здесь шептали заговоры над колыбелями и над могилами. Здесь верили, что сирота — это дитя, которого боги не благословили, а значит, и счастья

ему не будет.

И была среди них одна такая. Девушка, чью мать унесли в ту ночь, когда туман был особенно густым, а река особенно громкой. Унесли те, кто жил в тенях, чьи крылья шелестели, как сухие листья, чьи глаза горели красным в темноте. Мать не вернулась. И девушка осталась одна, с вопросами, на которые никто не хотел отвечать.

Она выросла с этим знанием — что она другая. Что её слух слишком тонок, что её видения слишком ясны, что она слышит то, чего не слышат другие. Старик Переплут сказал, что это дар. Что она должна учиться, что она должна понять, зачем боги дали ей это.

И она училась. Тихо, старательно, впитывая каждое слово, каждый жест, каждый шёпот трав и камней. Она верила, что если станет достаточно сильной, достаточно мудрой, то сможет найти ответы. Сможет найти свою мать. Сможет понять, почему она родилась именно такой.

В тот день деревня готовилась к свадьбе. Большой праздник, который случался раз в несколько лет, когда туман на время отступал, а река становилась чуть тише. Невесту вели к берегу, чтобы пришить к подолу её платья символы чистоты — белые розы, которые росли только в саду Переплута и цвели лишь раз в году.

Девушка стояла в стороне, наблюдая за церемонией. Её пальцы нервно теребили край грубой шерстяной юбки. Она не завидовала невесте. Она знала, что ей никогда не выпадет

такая честь. Сирот не брали замуж. Сироты были ненужными, как старые вещи, которые хранят только потому, что выбросить жалко.

И вдруг она услышала.

Сквозь шум реки, сквозь голоса толпы, сквозь треск костров — она услышала стон. Тихий, надломленный, но такой ясный, словно человек лежал прямо рядом с ней.

Она повернула голову к реке. Там, где бурный поток бился о камни, что-то белело. Что-то, что не было ни пеной, ни веткой, ни камнем.

Её сердце пропустило удар. Ноги сами понесли её вперёд, прочь от свадьбы, прочь от толпы, к берегу, где вода выплёвывала на песок то, что забирала у леса.

Она не знала ещё, что этот момент изменит всё. Что белый, как снег, с лицом, разделённым надвое, он перевернёт её мир. Что его запах, его голос, его прикосновения разбудят в ней то, о чём она даже не подозревала.

Она бежала, прижимая к груди подол платья, и ветер трепал её тяжёлые тёмные кудри. Река ревела, туман клубился за спиной, и где-то там, в туманном лесу, просыпалось что-то древнее и голодное.

Но она ещё не знала. Она просто бежала к нему.

А за поворотом тропы, у самой кромки леса, стоял старик с посохом. Он не смотрел на реку. Он смотрел на неё. И в его серых, мутных глазах было что-то, чего не было ни у кого в деревне.

Ожидание.
Он ждал семнадцать лет. И сегодня — дождался.

Глава 1. Тот, кого принесла река

Август 1784 года.

Воздух в тот вечер был тяжёлым и душным, как перед грозой, хотя небо оставалось безоблачным. Жара стояла неестественная, удушающая, и даже река, обычно шумная и бурная, казалась вялой и сонной. Туман, который по вечерам стелился над водой, пах не тиной и водорослями, а чем-то сладковатым и тревожным — как увядающие цветы на кладбище.

Она бежала, не чувствуя ног. Камни под ногами были холодными и скользкими от брызг, но она не замедлялась. Толпа осталась позади, голоса свадьбы растворились в реве реки.

Беги. Беги быстрее. Что-то не так. Что-то случилось.

Когда она выбежала на берег, ветер ударил в лицо, пахнущий водой и тиной. И там, среди пены и обломков веток, которые река выплёвывала на песок, она увидела его. Он лежал лицом вниз, раскинув руки, словно сломанная кукла. Его одежда — то, что от неё осталось — была разорвана в клочья и пропитана водой. Волосы, мокрые и спутанные, прилипли к шее.

Она замерла на мгновение, не в силах пошевелиться. Сердце упало куда-то в живот, холодный пот выступил на спине.

Мёртвый. Он мёртвый. Не подходи. Беги.

Но ноги несли её вперёд. Сами. Словно кто-то тянул её за невидимую нить, привязанную к груди.

Что-то в нём было... неправильным. Слишком неподвижным. Слишком красивым для этого мира.

Но потом она услышала его дыхание. Тихое, хриплое, прерывистое.

Живой. Он живой.

Она бросилась к нему, опускаясь на колени в мокрый песок. Её пальцы коснулись его плеча, чтобы перевернуть его, и она ахнула. Его кожа была тёплой — не ледяной, как она ожидала. Тёплой и живой, и на ней проступали багровые синяки и ссадины.

— Эй, — она трясла его за плечо, но он не реагировал. — Эй, ты меня слышишь?

Его голова безжизненно качнулась. Глаза оставались закрытыми.

Она оглянулась. Деревня была далеко, за поворотом реки. Никто не видел, как она бежала сюда. Никто не знал, что она нашла.

Если я позову помощь, его заберут. Его бросят в реку обратно или сожгут как проклятого.

Она знала, как деревня относится к чужакам. К тем, кто приходит из туманного леса. К тем, кто не похож на них. Она сама была сиротой, она знала, что значит быть чужой.

Она не могла позволить этому случиться. Не с ним. Почему — она не знала. Но знала точно: не могла.

Ей пришлось тащить его. Его тело было тяжёлым, неестественно тяжёлым для такого худощавого сложения, но она чувствовала в себе силу, которую не могла объяснить. Её мышцы горели, ноги скользили по камням, но она тащила его, шаг за шагом, прочь от реки, к тропе, ведущей к её дому на окраине деревни.

Ещё шаг. Ещё один. Только не останавливайся. Если остановишься — не поднимешь.

Его рука лежала у неё на плечах, и она чувствовала, какая она тяжёлая — как бревно, как мокрая земля. Но ноги держали. Почему ноги держали?

Она не понимала. Не тогда.

До того, как она закрыла дверь, соседки успели сказать ей три вещи.

Они стояли на тропе — три женщины, с вёдрами и коромыслами, которые они так и не опустили на землю. Они смотрели мимо неё, в полутьму двора, где на траве лежал он.

— Река выносит мертвецов, — сказала первая. Громко, так, чтобы слышали все.

— Мертвеца нельзя нести в дом, — сказала вторая. Она перекрестилась — быстро, как будто обожглась.

— Сироте всё равно нечем его кормить, — сказала третья, и в её голосе было не зло, а что-то хуже. Уверенность.

Она не ответила. Она просто взяла его под руки — и потянула.

Позже, вспоминая этот момент, она не смогла бы объяс-

нить, как у неё получилось. Он был тяжёлым, высоким, с широкими плечами, а дорога от кромки воды до её дома шла в гору. Она помнила только холод воды по колено, песок в сандалиях и то, как его голова качалась у неё на плече, будто у большой сломанной куклы.

А ещё — как легко она его подняла.

Это невозможно. Он весит как два таких, как я. Но я подняла. Как?

Этого она не поняла. Не тогда.

Теперь он лежал на её кровати, занимая почти всё место, и за окном река билась о камни так, будто хотела войти вслед за ним.

Она задвинула засов. Потом, подумав, подперла дверь лавкой.

— Лежи, — сказала она вслух, хотя он не мог слышать.

Она и сама не знала, зачем говорит с ним. Просто в этой комнате до сегодняшнего вечера всегда было тихо. Слишком тихо. А сейчас в ней был он — и тишина стала другой. Живой.

Свеча на столе горела неровно. Она подошла к очагу, подкинула щепу, сняла с гвоздя нож и вернулась.

Устроилась на краю кровати, боком к нему, подогнув под себя ногу. Матрас из мешковины прогнулся, и ей пришлось слегка наклониться вперед, чтобы дотянуться.

Рубаха была не просто мокрая — она висела клочьями. Ткань намертво прилипла к спине, а там, где он ударился о

камни, края разрывов впились в кожу.

Она провела пальцем вдоль шва, ища, где резать. Её пальцы дрожали — не от холода.

Я раздеваю незнакомого мужчину. Я. Девятнадцать лет. Никогда. Никогда.

— Больно будет, — прошептала. — Но иначе нельзя.

Нож пошёл вверх, тонкая полоска ткани раскрылась. Дальше она работала медленно: просовывала ладонь под его плечо, приподнимала, ждала, пока он выдохнет, — и он действительно выдохнул, тяжело, со стоном, в самое горло.

Левую руку он не двигал вовсе.

Когда рубашка была снята, она отложила её на пол и долго не могла заставить себя взять полотенце.

Она видела его тело раньше — мужчины в деревне работали: рубили, таскали, бороздили землю. Но это было другое. Под кожей лежали плотные, жёсткие линии мышц, и даже сейчас, безвольный, он был сложен, как зверь на картине Переплута. По рёбрам расползался багровый синяк. На левом плече — глубокая рваная рана, края её побелели от воды.

И кровь. Много чужой крови. Его.

Кто сделал это с тобой? Кто?

Она опустила взгляд на лицо — и замерла.

Кожа была тёплой, смуглой — темнее, чем у неё. Но волосы... Волосы были разными.

Слева — белые, как снег, который здесь выпадал только в

самые долгие зимы. Белая бровь. Белые ресницы, длинные и пушистые, как иней на ветках.

Справа — тёмные, почти чёрные, слипшиеся мокрыми прядями. Чёрная бровь. Тёмные густые ресницы.

Как будто кто-то взял две разные головы и слепил их в одну. И не стал прятать шов.

Её собственные волосы — тяжёлые, тёмные, вьющиеся — упали вперёд, когда она наклонилась, и легли ему на грудь. Чёрное на смуглом. Она поймала прядь, убрала за ухо, и пальцы её дрогнули.

Он красивый. Боги, он красивый. Как такое возможно после того, что с ним сделали?

Она была уже не девочка. Девятнадцать зим, и за спиной — ни мужа, ни дома, кроме той избы, что дал ей Переплут, ни будущего, кроме того, что она сама себе вымолила у него. Семнадцать из этих девятнадцати она прожила в этой деревне. Она не помнила ничего другого. Для неё мир — это туман, река и серое небо. Она не знала, что бывает иначе. Не знала, что где-то есть солнце. Не знала, что где-то люди смеются, а не шепчутся. Не знала, что где-то живут.

А он был тёплым. Живым. Настоящим.

Она не знала, почему это чувствует. Но что-то в нём было другое. Не такое, как в деревне. Не такое, как в ней самой.

И ей стало страшно от того, с какой готовностью её рука сама потянулась к его лицу. С какой нежностью. С каким... узнаванием.

Я тебя знаю? Откуда? Я никогда тебя не видела.

Она намочила холст в тазу, добавила отвар коры и зверобоя, отжала.

Наклонилась.

Коснулась раны на ключице.

Он схватил её за запястье.

Она ахнула и непроизвольно подалась вперёд — оказалась над ним, на расстоянии одного дыхания, опираясь ладонью о край кровати рядом с его плечом. Хватка была горячей и железной. Не человечески горячей. Обжигающей.

Отпусти. Отпусти. Отпусти.

Но она не вырывалась. Не могла.

Он открыл глаза.

Левый — светлый, почти прозрачный. Правый — янтарный, с тёмной щелью посередине, которая на миг сузилась так, что ей стало нечем дышать.

Что это? Что с его глазами?

Он не смотрел на рану. Не смотрел на нож у неё на коленях.

Он смотрел на её шею.

Он смотрит на мою шею. Почему на шею?

Потом медленно поднял взгляд выше — и втянул воздух через нос, жадно, как будто не ел несколько дней. Хотя, наверное, так и было.

Её сердце стучало так, что она слышала его отдельно от собственного: гулко, тяжело, с задержкой между ударами.

Она слышала, как по его горлу вниз скатилась слюна.

Он голоден. Он хочет... что он хочет?

— Ты… — Он говорил с трудом, слова царапали горло. — Ты не отсюда.

Она попыталась выдернуть руку. Не вышло.

— Откуда бы я ни была, ты сейчас лежишь в моём доме, — сказала она чуть громче, чем хотела. — Отпусти.

Он не отпустил. Его большой палец прошелся по внутренней стороне её запястья, там, где тонкая кожа была почти прозрачной и под ней синела жилка. От этого прикосновения по её руке прошла странная, горячая дрожь — не от страха. Она сама не поняла, от чего.

Что это? Что он со мной делает?

Её губы пересохли. Она облизнула их, и он проследил за этим движением взглядом.

— Ты пахнешь… как буря, — сказал он.

Как буря? Что это значит? Я пахну потом и травами. Какой бурей?

И глаза его снова стали просто глазами — уставшими, больными, человеческими.

Пальцы разжались.

Рука упала на мешковину. Голова мотнулась набок, тёмная прядь закрыла половину лица, и он провалился обратно в темноту, из которой его вынесли.

Она осталась сидеть.

С запястьем, которое ещё помнило его пальцы. Которое

горело там, где он коснулся.

— Какую ещё бурю? — спросила она в пустоту.

Река ответила ударом о камень.

Первую ночь она не спала.

Сидела на той же лавке у кровати, меняла повязку, прислушивалась. Он дышал тяжело, иногда вскидывался, хватал ртом воздух, и тогда она клала ладонь ему на лоб — тёплый, горячий, как печной камень — и говорила что-нибудь простое. Что дверь заперта. Что никто не придёт. Что он может не держаться.

Держись. Пожалуйста, держись. Я не знаю, кто ты, но держись.

Она не понимала, почему ей так важно, чтобы он выжил. Но знала — важно. Важнее, чем что-либо за последние годы.

На второй день пришла соседка, постучала палкой в окно и сказала, что свадьба уже началась, что Переплут ищет её, что невеста без неё останется без роз.

Она выглянула и сказала, что больна.

Соседка посмотрела мимо неё — в полутьму комнаты — и перекрестилась так быстро, будто обожглась.

Ушла, не спросив больше ничего.

Она увидела его. Увидела и испугалась. Почему?

На третий день зашёл Переплут.

Он не стал говорить о свадьбе. Не стал говорить о сиротстве. Он долго стоял у кровати, глядя на две половины чужого лица, и крутил в пальцах сушеную траву.

— Кто это? — спросила она.

— А ты как думаешь?

— Человек.

Переплут усмехнулся — без злобы, и от этой усмешки ей стало холоднее, чем от реки.

— Река ничего не приносит просто так, девочка. Запомни.

Что он знает? Почему он смотрит на него так? Как на... как на то, чего ждал?

Он оставил на столе маленький тёмный корешок и велел сварить его, если раненый начнёт метаться.

— А если не начнёт? — спросила она.

Переплут уже держал дверь. Повернул голову.

— Тогда тем более.

Тем более? Что это значит? Почему мне страшно?

На четвёртую ночь он не проснулся.

Зато проснулась она.

Ей снилось: высокая скала над водой. Дождь. Чья-то рука на чужом плече — не удар, а спокойное, почти будничное движение, и человек падает вниз, раскинув руки, как птица, у которой сломали крылья.

Нет. Нет. Не падай.

Она хотела крикнуть. Предупредить. Но не могла.

А потом — другое.

Чёрное небо. Множество крыльев. И женщина, стоящая на краю леса, с лицом, которое она не могла разглядеть, потому что каждый раз, когда взгляд доходил до него, начинал-

ся звон в ушах.

Женщина поднимала руку.

И говорила ей что-то. Не вслух — прямо внутрь, туда, где у обычного человека заканчивается слух и начинается что-то другое.

Кто ты? Кто ты?

Она проснулась на полу у кровати, с холодными ладонями и странным, металлическим привкусом во рту.

За окном было темно, но она видела всё: и щель между бревнами, и паука под потолком, и то, как ровно, почти редко поднимается одеяло на груди лежавшего.

Я вижу в темноте. Я никогда не видела в темноте. Что со мной?

Она села, провела ладонью по лицу.

И замерла.

Её слух был таким острым, что она слышала, как по его венам течёт кровь. Медленно. Густо. С тяжёлым, почти ленивым ритмом.

Я слышу его кровь. Я слышу, как она течёт. Это невозможно. Это...

Она сглотнула.

Во рту пересохло так, что язык прилип к нёбу.

Она посмотрела на свою руку.

В полумраке, при свете одной свечи, она видела каждую жилку под кожей. Каждую пору. Каждую морщинку.

Она никогда не видела так ясно.

Что происходит? Что со мной происходит?

Она медленно повернула голову к нему.

Он лежал на боку, отвернувшись к стене. Его белые волосы — те, что слева — рассыпались по подушке, и один белый завиток касался его щеки.

Она смотрела на этот завиток.

И вдруг поняла, что хочет коснуться его. Не чтобы проверить пульс. Не чтобы поправить. Просто — коснуться. Провести пальцем по белой пряди, почувствовать, какая она на ощупь.

Я хочу коснуться его волос. Я хочу. Я хочу.

Это желание было таким сильным, что она испугалась себя.

Она встала, отошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу.

За окном река ревела, туман клубился над лесом, и где-то там, в темноте, шевелилось что-то, чего она не могла назвать.

Она закрыла глаза.

Но видела только его.

Его разные глаза. Его белые и чёрные волосы. Его руку на её запястье.

Ты пахнешь как буря.

Что ты со мной сделал?

Глава 2. Пять дней

День первый после пробуждения

Она проснулась раньше него. Солнце только начало пробиваться сквозь щели ставней, бросая на пол узкие золотые полосы. Пылинки танцевали в этих лучах, медленно, лениво. За окном впервые за неделю подул лёгкий ветерок, принося прохладу и запах утренней росы. Жара отступала, уступая место тревожной, липкой сырости.

Он всё ещё спал — тяжело, с хрипом, изредка вздрагивая во сне. Его рука лежала поверх одеяла, пальцы слегка согнуты, как будто он во сне что-то держал.

Он живой. Он всё ещё живой.

Она села на лавку, потёрла лицо ладонями. Кожа была липкой от сна, под глазами — тяжесть. Горло всё ещё пересохло, хотя она выпила пол-кувшина воды за ночь.

Я не спала. Я почти не спала. Почему?

Она встала, подошла к кровати, наклонилась, чтобы проверить повязку на его плече. Ткань была чистой. Рана начала затягиваться — быстрее, чем должно было быть у обычного человека. Она провела пальцем вдоль края повязки, поправляя её, и её кожа коснулась его кожи.

Тёплой. Живой.

Её пальцы задержались на мгновение дольше, чем нужно. На одно дыхание. На два.

Тепло. Он такой тёплый. Как будто внутри него горит огонь.

Она отдёрнула руку, словно обожглась.

Это чтобы проверить, нет ли жара. Просто медицинская необходимость. Только это.

Она отошла к очагу, начала греть воду для отвара. Но руки её дрожали, и она дважды роняла ложку. Звон металла о камень казался оглушительным в тишине комнаты.

Соберись. Соберись. Ты знахарка. Ты видела раны хуже. Ты видела смерть хуже.

Но она не видела его.

День второй

Он открыл глаза, когда она меняла ему повязку на груди.

Она замерла, наклонившись над ним, с мокрым полотенцем в руке. Их лица оказались на расстоянии ладони. Она могла увидеть каждую ресницу — белую и тёмную, — каждую пору на его коже, лёгкую щетину на подбородке.

Он проснулся. Он смотрит на меня. Не отводи взгляд. Не отводи.

Он смотрел на неё — сначала мутно, потом яснее. Его разные глаза — один голубой, как лёд, другой янтарный, как огонь — изучали её лицо. Медленно. Внимательно. Как будто он запоминал каждую черту.

— Ты... — его голос был хриплым, но уже не таким надломленным. — Ты всё ещё здесь.

Где же мне ещё быть?— подумала она. Но вслух сказала:

— Где же мне ещё быть? — она старалась, чтобы голос звучал ровно. — Ты ранен.

— Зачем?

Она не знала, что ответить. Почему она не позвала на помощь? Почему не оставила его на берегу? Почему каждую ночь просыпается и проверяет, дышит ли он?

Потому что когда я увидела тебя на берегу, что-то внутри меня щёлкнуло. Как ключ в замке. Как будто я ждала тебя.

— Потому что могу, — сказала она вместо этого. — А теперь лежи тихо.

Она наклонилась, чтобы протереть рану, и прядь её волос упала ему на грудь. Тёмная прядь на смуглой коже. Контраст, от которого у неё перехватило дыхание.

Он поднял руку — медленно, с трудом — и коснулся пряди. Его пальцы были горячими, когда они скользнули по её волосам. Медленно. Осторожно. Как будто он боялся, что она исчезнет.

Она перестала дышать.

Не трогай. Не трогай мои волосы.

— Твои волосы... — он не закончил фразу. Его пальцы сжали прядь, и она почувствовала лёгкое натяжение у корней. Тёплое. Живое.

Она резко выпрямилась, отступая. Сердце колотилось где-то в горле.

— Лежи, — сказала она слишком громко. — Тебе нельзя

двигаться.

Он опустил руку, но не отвёл взгляд. Его янтарный глаз чуть сузился — как будто он улыбался им, даже когда губы оставались серьёзными.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она замерла у очага, спиной к нему. Её пальцы сжали край деревянной ложки так, что побелели костяшки.

Не говори. Не говори своё имя. Имя — это связь. Имя — это власть. Если он узнает моё имя, он сможет...

*Сможет что?*Она сама не знала. Но знала точно — не должна.

— Не твоё дело, — бросила она через плечо.

Он усмехнулся — тихо, хрипло. Звук этот прошёл по её спине мурашками.

— Упрямая.

Она стиснула зубы, чтобы не ответить. И не показать, что её щёки горят так, будто она стоит у раскалённой печи.

Он смеётся надо мной.

День третий

Ей приснился сон.

Она не помнила, что именно, но проснулась с красным лицом и странным, тянущим чувством внизу живота. Тёплым. Тяжёлым. Как будто внутри неё что-то проснулось и потянулось, как кошка после сна.

Простыня под ней была влажной.

Она села, прижав ладони к пылающим щекам. В комнате

было прохладно, но её кожа горела.

Что это было? Что мне приснилось?

Она посмотрела на него. Он спал, отвернувшись к стене, и его спина была обнажена — она не успела накинуть ему рубаху. Мышцы двигались под кожей, когда он дышал. Линия позвоночника — чёткая, как проведённая пальцем. Изгиб рёбер. Шрам на лопатке — старый, белый.

Я не должна смотреть. Я не должна.

Она не могла отвести взгляд.

Она смотрела на его спину и думала о том, каково это — быть прижатой к этой спине. Почувствовать, как его мышцы напрягаются под её ладонями. Как его кожа горячая под её пальцами. Как его дыхание сбивается, когда она...

Она зажмурилась.

Что со мной? Что он делает со мной? Я никогда... я никогда не думала о таком. Никогда.

Она встала, быстро оделась, вышла на крыльцо. Утренний воздух ударил в лицо — холодный, пронзительный, пахнущий прелой листвой. Август клонился к закату, и ночи становились длиннее. Она глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Лёгкие наполнились холодом, и жар в теле чуть отступил.

Это просто лихорадка. Я слишком устала. Мне нужно отдохнуть.

Но она знала, что это не так.

Это не лихорадка. Это он.

День четвёртый

Он начал сидеть.

Она приносила ему еду — жидкую похлёбку, хлеб, воду. Он ел мало, но с аппетитом. Она сидела напротив, на лавке, и смотрела, как он держит ложку.

Не смотри. Смотри в свою миску. Смотри куда угодно, только не на него.

Его пальцы были длинными, сильными. Она видела, как напрягаются сухожилия на его предплечье, когда он поднимает ложку ко рту. Как сжимается мышца на плече. Как двигается кадык, когда он глотает.

Она поймала себя на том, что смотрит на его рот.

На то, как его губы смыкаются вокруг края ложки. Как язык проходит по нижней губе, когда он пьёт воду. Как уголок рта чуть приподнимается, когда он пробует похлёбку.

Боги. Боги. Боги.

Она отвела взгляд, уткнулась в свои колени. Её собственные пальцы сжимали ложку так, что побелели костяшки.

— Ты смотришь на меня, — сказал он.

Она подняла голову. Он улыбался — криво, с той стороны лица, где волосы были тёмными. В его янтарном глазе плясали искры.

Он знает. Он всё видит. Он чувствует, как я на него смотрю.

— Я проверяю, не умер ли ты, — огрызнулась она.

— Я ещё жив.

— Это видно.

— Тебе нравится то, что ты видишь?

Она встала так резко, что лавка скрипнула. Кровь бросилась ей в лицо, залила уши, щёки, шею.

Он не должен так говорить. Он не должен. Я не выдержу.

— Ешь свою похлёбку, — бросила она и вышла из дома.

На крыльце она прислонилась спиной к стене и закрыла лицо ладонями. Сердце колотилось так громко, что она была уверена — он слышит его из комнаты.

Что он делает со мной? Что он делает со мной?

За стеной она услышала его тихий смех. Хриплый. Тёплый.

И её колени подкосились.

День пятый

Он впервые встал.

Она услышала, как он опускает ноги на пол, как его ступни касаются пола. Тихий шорох. Потом — напряжение. Она обернулась — и увидела, что он стоит, шатаясь, держась за край кровати.

Он был обнажён — только в штанах, которые она ему дала. Его тело — смуглое, с синяками и шрамами — было покрыто гусиной кожей от холода. Мышцы напряглись, когда он попытался удержать равновесие.

Он красивый. Боги, он красивый. Даже сейчас, слабый, едва стоящий на ногах — он красивый.

— Не двигайся, — сказала она, бросаясь к нему. — Ты

ещё слаб...

Она положила ладонь ему на грудь, чтобы поддержать, и почувствовала, как его сердце бьётся под её рукой. Быстро. Сильно. Как птица, бьющаяся в клетке.

Оно бьётся так сильно. Оно живое. Оно здесь.

Он посмотрел на неё сверху вниз. Его разные глаза — один холодный, один горячий — смотрели прямо в её душу.

— Я не упаду, — сказал он тихо.

— Ты едва стоишь.

— Я стою.

Его рука поднялась, и он коснулся её щеки. Его пальцы были горячими, когда они скользнули по её коже. Медленно. Осторожно. Как будто он боялся, что она исчезнет.

Она замерла.

Не двигайся. Не дыши. Не дыши.

Его большой палец прошёлся по её скуле — лёгкое, почти невесомое прикосновение. От него по её телу прошла волна жара, начиная с щеки и спускаясь вниз, к животу, к коленям.

— Твоё имя, — сказал он. — Скажи мне своё имя.

Она открыла рот, чтобы ответить. Губы дрогнули. Слово уже было на языке. Луна. Меня зовут Луна.

Но в этот момент за дверью послышались шаги. Голоса.

Она отдёрнулась, как от огня. Его рука упала, и на его лице мелькнуло что-то — разочарование? боль? — но исчезло так быстро, что она не успела разглядеть.

Кто там? Кто идёт?

— Ложись, — прошипела она. — Быстро.

Он не двигался. Смотрел на неё — долго, пристально. Как будто пытался запомнить её лицо в этот момент.

— Ложись! — она толкнула его в грудь, и он пошатнулся, но удержался. — Если они увидят тебя...

Если они увидят тебя, они убьют тебя. Или сожгут. Или бросят обратно в реку.

Он посмотрел на неё — долго, пристально. Потом медленно, не отводя взгляда, лёг обратно на кровать. Его глаза не отпускали её ни на секунду.

Она накинула на него одеяло, быстро, нервно. Её пальцы дрожали так, что она не могла попасть в край ткани.

Спрячь его. Спрячь его. Спрячь.

Шаги приближались. Дверь скрипнула.

Глава 3. Имена и искры

Дверь открылась.

На пороге стоял Переплут. Его серые, мутные глаза скользнули по Луне — быстро, оценивающе — и устремились мимо неё, в полутьму комнаты.

Он вошёл, не спросив разрешения. Посох стучал по полу — медленно, размеренно. Три шага. Четыре. Он остановился у кровати.

Лириан лежал под одеялом, но его глаза были открыты. Янтарный горел в полумраке, как уголёк. Голубой был холодным, настороженным. Он смотрел на старика, и в его взгляде не было страха. Только ожидание.

Переплут смотрел на него долго. Потом медленно втянул воздух носом. Его ноздри дрогнули.

— Волк, — сказал он тихо. Не вопросом. Утверждением.

Лириан не ответил. Его челюсть сжалась.

Переплут усмехнулся — без злобы. Потом повернулся к Луне.

— Он останется, — сказал он. Это было не предложение. Приказ.

Луна открыла рот, чтобы ответить, но Переплут уже шёл к двери. У порога он остановился, не оборачиваясь.

— Я приду через три дня, — сказал он. — К этому времени он встанет. И тогда мы поговорим.

Дверь закрылась.

С тех пор прошло три дня

Переплут приходил на следующий день после того, как шаги за дверью оборвали их первый, неоконченный разговор. Он вошёл, тяжело опираясь на свой резной посох, долго смотрел на Лириана, оставил на столе тёмный корешок и ушёл, отстучав свои три медленных удара.

С тех пор прошло ещё три дня.

Лириан восстанавливался неестественно быстро. Синяки, которые ещё вчера были багровыми, сегодня пожелтели и позеленели. Рваная рана на плече затянулась, оставив после себя лишь бледный, ровный шрам. Он уже не лежал.

Но всё ещё был чертовски упрямым.

Луна стояла у очага, помешивая отвар. Спина её напряглась, когда она услышала за спиной шаркающий шаг. Она обернулась.

Лириан шёл от кровати к столу. Он держался за спинку тяжёлого дубового стула, костяшки его пальцев побелели от напряжения.

Я не сломанная кукла, — думал он, чувствуя, как дрожат мышцы ног. Я не позволю ей смотреть на меня с жалостью. Я должен встать. Я должен доказать, что я чего-то стою.

— Я сказал, я сам, — пробормотал он. Его голос всё ещё был хриплым, но в нём появились твёрдые нотки.

— Ты пошатнёшься, — сказала она, вытирая руки о пе-

редник. — Твои ноги ещё не держат вес.

— Держат.

Он сделал ещё шаг. И тут его колено дрогнуло. Мир накренился.

Луна бросилась к нему.

— Я же говорила! — выдохнула она, подхватывая его под локоть.

Но он был тяжёлым. И падение было неизбежным.

Он дёрнулся, пытаясь удержать равновесие, и его рука, вместо того чтобы найти опору, сжала её талию. Луна потеряла баланс. Мир наклонился, пол ушёл из-под ног, и они рухнули.

Матрас из мешковины глухо скрипнул.

Он упал на спину, увлекая её за собой. Луна оказалась сверху. Её колени упирались в матрас по обе стороны от его бёдер, ладони инстинктивно легли ему на грудь, чтобы смягчить удар.

Тёмные волосы упали вперёд, создавая вокруг них тесный, полумрачный полог. Солнечный луч, пробившийся сквозь щель в ставне, падал прямо на его лицо, подсвечивая белую прядь и янтарный глаз.

Она замерла.

Двигайся. Встань. Отойди, — приказала она себе. Но она не двигалась.

Под её ладонями его грудь вздымалась и опускалась. Сердце билось ровно, мощно, отдавая тяжёлыми толчками

прямо в её кожу. Он пах озоном, раздавленной хвоей и чем-то ещё — горячим, диким, от чего у неё перехватило дыхание и где-то глубоко внизу живота разлилась тяжёлая, жидкая волна жара.

Она хотела встать. Правда хотела. Но тело не слушалось. Руки не отталкивались. Колени не разжимались.

Почему я не могу встать? Почему я не хочу вставать?

Для Лириана мир сузился до одной точки.

До неё.

Её вес был почти невесомым — она была лёгкой, как перо, как птица, которая села ему на грудь и не улетает. Но запах... Запах ударил в его голову сильнее любого удара. Озон, дикие травы, молоко и что-то ещё — горячее, пряное, сводящее с ума.

Она сверху. Она держит меня. Она не уходит.

Тепло. Мягко. Своя. Вдохни. Ещё. Ещё.

Зверь внутри него, спавший глубоким, болезненным сном, вдруг открыл один глаз. Он не зарычал. Он принюхался. И впервые за двадцать лет в его сознании промелькнула мысль, не окрашенная болью.

Лириан замер, боясь пошевелиться. Под её ладонями его сердце билось — часто, испуганно, но она не отстранялась.

Она боится. Я чувствую, как она боится. Но она не уходит. Почему она не уходит?

МОЯ. ПАХНЕТ ГРОЗОЙ. ПОМЕТЬ. УКУСИ. ЗАБЕРИ.

Его руки, сильные и тяжёлые, легли на её талию. Большие пальцы медленно, почти неосознанно, провели по её рёбрам сквозь тонкую ткань рубахи. Он почувствовал, как она вздрогнула.

Она подняла глаза.

Он смотрел на неё снизу вверх. Его лицо было так близко, что он видел, как расширяются её зрачки. Янтарный глаз, скрытый в тени чёрной пряди, горел тусклым, раскалённым углём. Голубой, обрамлённый белыми ресницами, оставался холодным, но в его глубине плескалось что-то тёмное и тягучее.

— Ты... — его голос упал до низкого, вибрирующего шёпота. — Ты лёгкая. Как перо.

Как будто я могу сломать тебя одним движением, — с горечью подумал он. Но я скорее откушу себе руку, чем причиню тебе вред.

Луна сглотнула. Её собственные губы пересохли.

— Пусти меня, — прошептала она. Но в её голосе не было ни капли убеждения.

— Не хочу, — ответил он просто.

Его рука скользнула вверх, от талии к шее. Горячие пальцы легли на её затылок, запутались в тяжёлых тёмных кудрях. Он слегка потянул, и её лицо опустилось ещё на сантиметр. Их дыхание смешалось.

— Как тебя зовут? — спросил он. Его взгляд скользнул по её губам, и у него закружилась голова.

— Луна, — выдохнула она.

— Луна, — он повторил её имя, и оно прозвучало в его хриплом голосе совсем иначе. Не как слово. Как заклинание. Как обещание. Его большой палец провёл по её нижней губе,

слегка приоткрывая её. — Как луна над рекой.

Её сердце билось так громко, что он слышал каждый удар. Тук-тук. Тук-тук. Оно пело для него.

— А тебя? — её голос дрогнул. — Как тебя зовут?

Рука в её волосах напряглась. Янтарный глаз дёрнулся, в нём мелькнула тень — острая, болезненная, как осколок стекла.

Пустота. Внутри него была чёрная, холодная пустота. Он не помнил своего имени. Не помнил, как его звали те, кто любил его. Не помнил, как его звали те, кто сбросил его со скалы. Только боль. Только падение. Только ледяная вода.

ИМЯ. ГДЕ ИМЯ? СПРОСИ У НЕЁ. ОНА ЗНАЕТ. ОНА ПАХНЕТ ПРАВДОЙ.

— Я... — он запнулся. Его челюсть сжалась. — Я не помню.

Луна замерла.

Она смотрела на его лицо — разделённое надвое, прекрасное и трагичное. Она видела шрам над бровью, чувствовала ту бездну пустоты и боли, которая открылась в его памяти. Река забрала его прошлое. Смыла имя. Смыла дом.

Слово пришло к ней само. Оно всплыло из глубины её сознания, оттуда, где только что зародился её дар. Не из памяти. Извне. Тихий, звенящий голос, похожий на шум ветра в верхушках деревьев, прошептал его прямо ей в разум.

— Лириан, — сказала она.

Он моргнул. Холодный голубой глаз сузился.

— Что?

— Лириан, — повторила она увереннее, и её пальцы, лежащие на его груди, слегка впились в кожу.

Лириан.

Звук этого имени ударил в его грудь. Не в уши — в грудь. Там, где билось второе, звериное сердце.

ДА. ЭТО МОЁ. Я — ЛИРИАН. Зверь внутри него вздрогнул, поднял голову и тихо, почти благоговейно, выдохнул.

Слёзы — горячие, предательские — подступили к его глазам. Он смотрел на неё долго. В его взгляде было недоверие, но под ним — узнавание. Будто это имя было выжжено на его душе, и она просто стерла с него пепел.

— Лириан, — он медленно выдохнул это имя. Уголок его тёмной губы дрогнул в подобии улыбки, но в глазах стояли слёзы. — Да. Лириан.

Его рука скользнула с её затылка вниз, по шее, к ключице. Он медленно приподнялся на локте, сокращая и без того крошечное расстояние между ними. Его лицо оказалось в сантиметре от её. Он чувствовал жар её кожи, видел каждую ресницу, каждую пору.

— Луна, — прошептал он, и его дыхание обожгло её губы. — Ты пахнешь... как буря перед грозой.

Она закрыла глаза. Её веки дрожали.

Лириан подался вперёд. На миллиметр. На волосок. Его зубы — чуть более острые, чем должны быть у человека — слегка царапнули её нижнюю губу. Зверь внутри него рычал,

требуя поцеловать её, пометить её, сделать своей.

Она так близко. Если я поцелую её, я не смогу остановиться. Я потеряю контроль. Я разрушу всё, — паниковал разум.

ЦЕЛУЙ. ХВАТАЙ. ОНА НАША. НАВСЕГДА. СЕЙЧАС.

И тут раздался звук.

Не шаги. Не скрип половиц.

Тук. Тук. Тук.

Три медленных, размеренных, тяжёлых удара деревянного посоха о дверь.

Лириан замер. Его тело под ней мгновенно окаменело. Янтарный глаз вспыхнул, зрачок сузился в вертикальную щель.

Шаги. Старик. Переплут. Он не враг, — быстро проанализировал человек.

ЧУЖАК! УГРОЗА! РВИ! ЗАЩИЩАЙ ЕЁ! СМЕРТЬ! — взревел зверь, заливая его сознание красной пеленой ярости.

Лириан оскалился, его рука на её талии сжалась до боли, готовая в любую секунду броситься на дверь.

— Переплут, — выдохнула Луна, не отстраняясь, но и не приближаясь. Она застыла в этом сантиметре между ними. — Он уже у двери.

Она спокойна. Значит, не враг. Успокойся. Слышишь меня? Успокойся!— приказал он зверю, с трудом сдерживая рвущуюся наружу ярость. Ему потребовалось всё его самообладание, чтобы заставить мышцы расслабиться.

НЕ ВРАГ? ПАХНЕТ МАГИЕЙ. НЕ ДОВЕРЯЙ. НО... СЛУШАЙ ЕЁ. Зверь неохотно отступил в глубины сознания, продолжая рычать и скалить зубы.

Луна медленно отстранилась, опираясь ладонями о его грудь. Её ноги были ватными, щёки горели огнём, а губы всё ещё помнили его жар. Она быстро поправила волосы, провела ладонью по пылающим щекам, стараясь унять дрожь в руках.

И только когда она подошла к двери и взялась за засов, раздалось:

Тук. Тук. Тук.

Три медленных, размеренных, тяжёлых удара деревянного посоха.

Она отдёрнула засов и открыла дверь.

На пороге стоял Переплут. Его серые, мутные глаза смотрели сквозь неё, прямо в полумрак комнаты, где на кровати, тяжело дыша и скаля клыки, сидел мужчина с двумя разными глазами.

Шаман медленно втянул воздух носом. Его ноздри дрогнули. Он почувствовал этот запах — озон, страх, желание и дикую, первобытную ярость, смешанные в густой, тяжёлый аромат.

— Я же говорил, девочка, — тихо произнёс шаман, и в его голосе не было ни удивления, ни осуждения. Только тяжёлая, древняя усталость и что-то похожее на грусть. — Река ничего не приносит просто так.

Он переступил порог, опираясь на посох, и его взгляд скользнул по Лириану.

— Здравствуй, волк, — сказал Переплут.

Глава 4. Между двух миров

Сентябрь 1784 года.

Луна открыла дверь. Переплут стоял на пороге. Высокий, худой, с лицом, похожим на кору старого дуба. В руках он держал небольшую связку сухих трав, пахнущих полынью и морозом. Ветер трепал полы его плаща, принося с полей запах гниющей соломы и приближающейся зимы.

Его серые, мутные глаза смотрели сквозь неё, прямо в полумрак комнаты.

Он посмотрел на неё — долго, пристально. Потом медленно перевёл взгляд ей за спину.

— Можно войти? — спросил он. Голос был сухим, как шорох опавших листьев.

Она молча отошла в сторону, пропуская его.

Он знает. Он всегда знает больше, чем говорит. Почему он смотрит на меня так, будто видит мою душу насквозь?

Переплут вошёл. Его глаза сразу нашли кровать.

Лириан лежал под одеялом, но оно было скомкано — видно, что он только что резко двигался. Его лицо — с резкими чертами, обрамлённое чёрными и белыми прядями — было обращено к стене. Но Луна видела, как напряглись мышцы его спины под тонкой тканью рубахи. Он слышал. Он всё слышал.

Лириан почувствовал, как в комнату вошёл чужак.

Запах старого дерева, полыни и чего-то древнего, что не поддавалось определению. Его мышцы мгновенно напряглись, готовясь к прыжку. Зверь внутри него поднял голову, настороженно принюхиваясь.

Кто это? Почему он так смотрит на неё?

ЧУЖАК. СТАРЫЙ. СИЛЬНЫЙ. НЕ ДОВЕРЯЙ.

— Встань, — сказал Переплут. Не громко, но так, что слова заполнили всю комнату, вытесняя воздух.

Лириан не двигался. Он не подчинялся приказам. Не больше.

— Встань, волк, — повторил Переплут — тише, но твёрже, с той самой древней властью, от которой закладывало уши.

Волк? Он назвал меня волком. Но я не волк. Я ничто.

ОН ЗНАЕТ. ОН ВИДИТ НАС. НЕ ДВИГАЙСЯ. НЕ ПОКАЗЫВАЙ СЛАБОСТЬ.

Лириан медленно повернул голову. Его разные глаза — один голубой, как лёд, другой янтарный, как огонь — смотрели на шамана.

— Я не волк, — сказал он. Голос его был хриплым, но твёрдым.

— Нет, — согласился Переплут. — Ты не волк. Ты — то, что хуже. Ты — между.

Между. Да. Я между. Не человек. Не зверь. Ничто.

МЫ — ОДНО. МЫ — СИЛЬНЫЕ. ОН ЛЖЁТ.

Он повернулся к Луне.

— Выйди.

— Нет, — сказала она. Её голос дрогнул, но она не отступила ни на шаг.

Она остаётся. Она защищает меня. Почему? Почему ей не всё равно?

ЕЁ ЗАПАХ. ЕЁ ГОЛОС. ОНА НАША. ЗАЩИТИ ЕЁ.

Переплут посмотрел на неё — и в его глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку. Но не злую. Скорее — усталую, бесконечно старую.

— Тогда стой тихо.

Он снова повернулся к Лириану.

— Кто тебя сбросил?

Лириан молчал. Его челюсть сжалась так, что мышцы на шее напряглись, превратившись в твёрдые жгуты.

Не говори. Не вспоминай. Боль. Падение. Холодная вода.

СКАЖИ. НАЗОВИ ИМЯ. ОН ДОЛЖЕН ЗНАТЬ.

— Альфа, — сказал Переплут сам себе, кивая. — Или старейшина. Те, кто решает, кто достоин стаи, а кто должен умереть.

Он наклонился ближе. Его длинные седые волосы упали вперёд, и Луна увидела, как на верхушке его посоха слабо пульсирует резная руна.

— Покажи мне свои руки.

Лириан медленно откинул одеяло. Сел, опираясь на локоть. Его кожа была смуглой, тёплой, покрытой сетью старых и свежих шрамов. Но она была ровной. Единой. Он поднял

руки — ладонями вверх.

Смотри. Смотри на мои шрамы. На мою слабость. На то, кем я был.

Переплут взял его правую руку. Пальцы шамана были холодными, как лёд, и Луна увидела, как Лириан едва заметно вздрогнул. Переплут перевернул его ладонь, посмотрел на неё. Потом взял левую.

— Две крови, — сказал он тихо. — Две природы. И ни одна не принимает тебя полностью.

— Я знаю, — сказал Лириан. Его голос был плоским, как будто он говорил о ком-то другом. О чужаке.

Я знаю. Я чувствую это каждый день. Человеческая кровь держит зверя. Зверь рвётся наружу. И я разрываюсь на части.

МЫ — ОДНО. МЫ — ЦЕЛОЕ. ОН НЕ ПОНИМАЕТ.

Переплут посмотрел на него — долго, пристально. Его серые глаза стали почти прозрачными.

— Ты не можешь превращаться.

Это было не вопросом.

Лириан опустил руки. Его пальцы дрожали — едва заметно, но Луна увидела.

— Нет.

— Зверь внутри тебя есть. Я чувствую его запах. Он прячется глубоко, потому что ему больно. Ты — как волк, который забыл, как выть. И боится, что если завоет, его снова ударят.

Он прав. Я боюсь. Я боюсь боли. Я боюсь, что она увидит во мне монстра.

Я НЕ БОЮСЬ. Я ХОЧУ ВЫТЬ. Я ХОЧУ БЕЖАТЬ. Я ХОЧУ ЕЁ.

Лириан не ответил. Но его челюсть сжалась так сильно, что Луна услышала, как скрипят зубы.

Переплут выпрямился. Его посох глухо стукнул о пол.

— Альфа сбросил тебя, потому что ты был позором. Потому что ты не мог стать тем, кем должен был быть по их законам.

— Хватит, — сказала Луна. Она шагнула вперёд, вставая между ними. — Хватит о нём так говорить.

Я не вынесу. Я не могу слушать, как он называет его позором. Лириан не позор.

Переплут повернулся к ней. В его взгляде не было гнева. Только тяжёлая, древняя правда.

— Нет, девочка. Не хватает. — Он посмотрел на неё, и его голос стал тише. — Ты должна знать, кто лежит в твоей кровати. Он не человек. Он не зверь. Он — то, что осталось, когда двое стали одним и не смогли стать целым.

— Я знаю, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Я видела его лицо. Я видела его боль.

Я знаю, кто он.Он не причинит мне вреда.

— Ты видела его лицо. Но ты не видела его зверя. А он сам его не видит.

Она посмотрела на Лириана. Он сидел на кровати, опу-

стив голову. Чёрно-белые волосы падали на лицо, скрывая глаза. Его пальцы сжимали край одеяла так сильно, что костяшки побелели.

Он страдает. Я вижу, как он сжимает кулаки. Я хочу подойти. Я хочу обнять его. Но я не могу.

— Что вы хотите сказать? — спросила она.

Переплут положил связку трав на стол.

— Это для него. Укрепит зверя. Может быть, научит его слушаться. Может быть — нет.

Он повернулся к двери. Но у порога остановился.

— Девочка, — сказал он, не оборачиваясь. — Река принесла его не просто так. Вы — два осколка одного разбитого зеркала. Но если ты хочешь, чтобы он выжил... ты должна понять, кто ты на самом деле. И он должен понять, кто он.

Он вышел.

Дверь закрылась.

Тук. Тук. Тук.

Три медленных, размеренных удара посохом изнутри. Прощание.

Луна осталась стоять посреди комнаты. Воздух был тяжёлым, пахло травами и напряжением.

Лириан сидел на кровати, не поднимая головы.

— Луна, — сказал он тихо. — Уйди.

— Нет.

— Ты слышала, что он сказал. Я — позор. Даже для своего рода. Я не могу стать тем, кем должен был.

Я позор. Я знаю это. Я не хочу, чтобы она видела меня таким. Слабым. Сломанным.

МЫ НЕ ПОЗОР. МЫ СИЛЬНЫЕ. ОНА ЗДЕСЬ. ОНА НЕ УШЛА.

Она не подошла к нему. Она медленно опустилась на деревянную лавку у стены, держа спину идеально ровно. Её руки легли на колени, пальцы крепко сжали грубую ткань юбки. Внутри всё тянулось к нему — встать, сесть рядом, утешить, — но она заставила себя остаться на месте.

— Так ты волк? — спросила она тихо. — Оборотень?

Он горько усмехнулся. Звук получился сухим, надломленным.

— Да, — сказал он, наконец поднимая взгляд. — Полукровка. Но да, волк.

— В этих местах оборотней боятся, — сказала она, глядя на его напряжённую спину. — Хуже, чем лесных духов. Говорят, по зиме ходят охотники... Те, кто выслеживает таких, как ты.

При слове «охотники» его тело мгновенно окаменело. Плечи поднялись, шея втянулась в плечи. Инстинкт. Он знал об охотниках. Он знал, что они делают с теми, кого находит.

Охотники. Те, кто убивает таких, как я. Они придут за мной. И они причинят ей боль. Я не могу этого допустить.

ОХОТНИКИ — ВРАГИ. УБЕЙ ИХ. ЗАЩИТИ ЕЁ. РВИ.

Он медленно повернулся к ней. В его глазах — и в янтар-

ном, и в голубом — стоял страх. Не за себя. За неё.

— Тогда почему ты не выгнала меня? — прошептал он. — Почему не позвала их? Я опасен, Луна. Даже если сейчас лежу здесь беспомощный. Мой отец был альфой. Волком. А мать... мать была человеком. Обычной женщиной. Во мне две крови, и они воюют. Зверь внутри меня есть, но он не может выйти. Человеческая кровь держит его. А когда я пытаюсь... мне просто адски больно. Кости хрустят, но не перестраиваются. Для стаи я позор. А для людей я просто чудище. Ты ведь тоже это видишь, да?

Скажи, что видишь. Скажи, что я монстр. И уйди. Пожалуйста, уйди, пока я не причинил тебе боль.

Луна молчала. Она смотрела на него — на его разные глаза, на его бледное лицо, на то, как его грудь тяжело вздымалась. Она слышала его сердце. Оно билось неровно, сбиваясь с ритма от стыда и ожидания её ответа.

— Ты боишься меня? — прошептал он.

— Нет, — ответила она. Без колебаний. Без тени страха.

Он замер. Его янтарный глаз расширился.

Она не боится. Почему она не боится? Все боятся. Все всегда боятся.

ОНА НЕ БОИТСЯ. ОНА НАША. ОНА ПРИНЯЛА НАС.

— Не боишься? — переспросил он, словно не веря своим ушам. — Я же зверь. Я могу разорвать тебя во сне.

— Если суждено умереть от волчьих лап, — сказала она, глядя ему прямо в душу, — значит, так тому и быть.

Он смотрел на неё долго. В его взгляде было недоумение, смешанное с чем-то тёплым, хрупким. Он ждал, что она сейчас встанет, отодвинется подальше. Или наоборот — бросится его утешать, как жалкое существо.

Но она не сделала ни того, ни другого.

Она просто сидела на лавке, выдерживая чёткую дистанцию. Её руки по-прежнему сжимали юбку. Она сдерживала себя. Не позволяла себе ни шага ближе, ни одного лишнего движения, хотя внутри всё горело.

— Ты странная, Луна, — выдохнул он, и в его голосе впервые за всё время не было горечи. Только тихое изумление.

Она странная. Она единственная, кто не боится меня. Единственная, кто остался.

ОНА НАША. МЫ ЗАЩИТИМ ЕЁ. МЫ УМРЁМ ЗА НЕЁ.

— Я знаю, — ответила она, не отводя взгляда. — Меня все так считают.

Она медленно поднялась. Движения её были плавными, но чуть резкими, выдавая внутреннее напряжение.

— Отдыхай, — сказала она, направляясь к очагу. — Заварю тебе тот отвар, что оставил Переплут.

Лириан смотрел ей вслед. На её прямую спину, на тёмные волосы, собранные в небрежный узел.

Она остаётся. Она не ушла. Она варит мне отвар. Почему она так добра ко мне?

— Луна, — позвал он тихо.

Она обернулась, держа в руках тяжёлую каменную ступку.

— Спасибо, — сказал он. — Что не выгнала.

Она кивнула, едва заметно. Её голубые глаза в полумраке комнаты казались почти светящимися.

— Мы оба чужие в этом мире, Лириан, — сказала она, глядя на него поверх каменного песта. — Может, поэтому река и принесла тебя именно ко мне.

И она начала толочь травы, делая вид, что полностью сосредоточена на работе. Ритмичный стук камня о камень заполнил тишину комнаты.

Но её сердце колотилось так громко, что она была уверена: с его слухом он слышит каждый удар.

Она думает, что я не слышу. Но я слышу всё. Её сердце. Её дыхание. Её страх и её надежду.

ЕЁ СЕРДЦЕ ПОЁТ ДЛЯ НАС. ОНА — НАША СУДЬБА.

Лириан медленно закрыл глаза. И впервые за долгие годы он почувствовал что-то, что не было болью.

Он почувствовал надежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.